

А.С. КОЛЕСНИКОВ

*Доктор философских наук, профессор, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет*

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЭПОХУ ПОСТМУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА.

В статье анализируются взаимосвязи иммиграции и мультикультурализма и особенности мультикультурализма, приведшие к его критике и замене постмультикультурализмом. Если первый в своем основании имеет особую политику в отношении иммигрантов и вынужденных переселенцев и ему приписывают ошибки его конкурента – насильственной ассимиляции, то второй делает акцент на содействие в части признания культурного разнообразия и обслуживания коллективных национальных самосознаний. Однако постмультикультурализм ведет к ряду парадоксов, среди которых, например, чрезмерное внимание на неравенство полов в традиционных культурах, ведущее к опровержению деятельного участия в жизни общества женского меньшинства скорее, чем их эмансипации. Это связано также с морализацией свободы в неолиберализме и с дискурсом об идентичности, маскирующим новые формы расизма. Массовая иммиграция и интеграция этнических меньшинств во времена политической бури и экономического кризиса вызвала в европейских странах беспокойство по поводу обеспеченности работой, критику иммигрантов за паразитизм, нежелание интегрироваться и даже преступность. Такая реакция вырабатывает климат подозрения и враждебности к иммигрантам и узаконивает политику, которая ограничивает миграцию и права иммигрантов.

Ключевые слова: диалог культур, миграция, кризис мультикультурализма, этноцентризм, постмультикультурализм, трансверсальность

A.S. KOLESNIKOV

*Doctor of Philosophical Science, Professor
Saint-Petersburg State University*

DIALOGUE OF CULTURES DURING AN EPOCH POST- MULTICULTURALISM.

Article analyzes interrelations migration and multiculturalism and features multiculturalism, led to its criticism and replacement Post-multiculturalism are analyzed. If the first in the basis has the special policy concerning immigrants and the compelled immigrants and to which attribute errors of its competitor - violent assimilation the second accent does on assistance in a part of recognition of a cultural variety and service of collective national

self-consciousnesses. However Post-multiculturalism conducts to a number of paradoxes among which, for example, excessive attention to an inequality of floors in the traditional cultures, conducting to a refutation of active participation in life of a society of female minority is faster, than their emancipation. It is connected also with moralization freedom in neoliberalism and conversation on the identity, racism masking new form. Mass immigration and integration of ethnic minority at the time of a political storm and an economic crisis has caused in the European countries anxiety concerning security work, to the critic of immigrants for parasitism, unwillingness to be integrated and even criminality. Such reaction develops a climate of suspicion and animosities to immigrants and legalizes a policy who limits immigration and the rights of immigrants.

Keywords: dialogue of cultures, migration, crisis of multiculturalism, ethnocentrism, Post-multiculturalism, transversality

Мультикультурализм в последнее время является объектом критического исследования, если не открытого нападения, особенно в Европе. Критики подвергают сомнению его действительность, устойчивость и желательность [1] Самые резкие критики изображают любую мультикультурную политику как вредную социальную разработку, которая не принимается иммигрантами и этническими «гетто», это наивная идеология («Multikulti») приписывалась или либеральным «средним классам», или политически отчуждаемым «элитам». Они обвиняют его в плохой интеграции некоторых групп иммигрантов и беженцев, в том, что он поощрял социальный и культурный сепаратизм, и даже враждебность некоторых иммигрантов к их новому европейскому обществу. Возможно, наиболее важным обвинением мультикультурализму является его роль в подрыве национального единства и продвижении социальной сегментации. Эта сегментация, добавляют критики, уменьшает «социальный капитал» (национальное единство и доверие) и воспринимается как угроза их национальности. Странники идентичности мультикультурализма раскритикованы как мечтательные идеалисты, нереалистичные либералы, не обращающие внимания на многочисленные патологии, которые предположительно сопро-вождают массовую миграцию и мультикультурную политику.

Кроме того, если ранее критика, главным образом, шла от горстки консерваторов и радикалов, то сегодня критики мультикультурализма находят все более и более широких последователей и даже лидеров консерваторов (Дэвид Камерон, Николас Саркози), консервативных либералов (Ангела Меркель) и разочарованных либералов (Т. Саразин), и они регистрируют сторонников во всех идеологических лагерях. Удивительно, как отмечает Пакульский, но эта критика находит своих сторонников даже в Австралии, стране, где мультикультурализм (идентифицирован с двухпартийной политикой интеграции, которой помогают, и терпимого культурного плюрализ-

ма) был подтвержден всеми правительствами, начиная с 1970-ых годов, принятых общественностью и оцененный как успех [2]

Эти новые волны критики основаны на путанице в оценках идентичности, а также целях, принципах и последствиях мультикультурализма [3] С другой стороны, часто мультикультурализму приписывают те вредные эффекты, которые, фактически, связаны с главным конкурентом мультикультурализма – политикой насильственной ассимиляции. При такой интеграции, к которой принуждают, культурный плюрализм не берется в расчет. Это не означает, конечно, что критика европейцев политики иммиграции и урегулирования являются не обоснованной. Массовые перемещения, особенно внезапные и безудержные массовые потоки иммигрантов и беженцев, таких как испытали еще до 2015 г. Греция, Италия, Франция и Великобритания – и сопровождающие отказы объединять этих новых иммигрантов в социальном отношении, с политической точки зрения – действительно производят социальные проблемы, включая опасные социальные патологии. Среди них реальные и серьезные: этно-религиозный изоляционизм (геттоизация), этно-расовое исключение и стратификация, коммунальные конфликты, этнические преступления. Правда, напрямую они не касаются мультикультурализма, и эти проблемы очень походят на побочные эффекты и непреднамеренные последствия (неудавшейся) политики насильственной ассимиляции.

Патологии, которые сопровождают такие перемещения – особенно вызванные конфликтами и стихийными бедствиями – были усилены в сегодняшней Европе тремя факторами: недавней интенсификацией безудержной иммиграции из-за либерализации рынка труда в пределах ЕС и дестабилизацией вне ЕС; экономическим кризисом, сопровождаемым высоким уровнем безработицы; и политической мобилизацией националистических движений, враждебных к «иностранцам». При этих обстоятельствах, иммигранты и «иностранцы» становятся «обычными подозреваемыми» и «козлами отпущения», обвиняемыми в большинстве социальных бед. Но такие беды, включая широко разглашенные патологии безудержной интеграции, имеют мало общего с мультикультурализмом, политикой и стратегией которого всегда было социальное сплочение как его главной цели и справедливой интеграции как средство. Притом мультикультурный барометр является инновационным инструментом мониторинга миграционной политики, включающий ее оценку, географическую локализацию, сути управленческих решений.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ – НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ И ОСПАРИВАЕМОЕ ПОНЯТИЕ

Политика насильственной ассимиляции, проводимая как стратегия интеграции через культуру и образ жизни «конформизма с большинством», никогда не была успешной. Вместо ожидаемой гладкой адаптации через ассимиляцию, она вела, особенно среди неевропейских иммигрантов, к социокультурному исключению и отчуждению. Давления ассимиляционистов преобразовывались в явные барьеры для социальной адаптации и интеграции, продвигая представление, что полная или «надлежащая» интеграция требует не только потери культурного «наследия происхождения», но также и конформистское принятие норм и образа жизни большинства, и дисквалификацию национально-культурной специфики. Мультикультурализм, в отличие от насильственной ассимиляции, не клеймит культурные различия, настаивая, что они нормальны, и что «можно быть хорошим европейцем» (австралийцем, американцем, канадцем), не будучи типичным европейцем (австралийцем, американцем, французом).

Австралийский, американский, канадский мультикультурализм показал, что полная интеграция наступает постепенно и что её успех зависит от чувства принадлежности, которое развивается через семью, соседей, круги дружбы, сети СМИ, так же как через интеграцию в религиозные и этнические группы и сообщества. Поэтому мультикультурализм всегда помогал таким интегральным структурам и поддерживал их формирование и обслуживание – не как агентов социальной сегментации и разделения, но как «социальных адаптеров» более широкому национальному сообществу.

Следовательно, этнические и религиозные сообщества были поддержаны только в этой интегральной роли, в предоставлении чувства принадлежности и в создании более широких социальных обязательств. Они осуждаются, когда участвуют в культивировании этнического или религиозного партикуляризма, или изоляции. Интегральная природа мультикультурализма была также отражена в выборочном принятии традиций и культурных методов, ввезенных иммигрантами. Подчеркнем, что такое принятие всегда квалифицировалось «согласно закону», «нет дискриминации» и «никакого вреда» принципам. Следовательно, все формы культурно определенных «традиционных дискриминаций», такие как, дискриминация по полу, так же как вызывающие вред методы типа обрезания, запрещены. Также запрещены многобрачие, насильственные браки и все формы насилия, включая семейное / коммунальное насилие «в защиту чести».

Очевидно, мультикультурализм не мог предотвратить вредные методы и этническую безудержную интеграцию. Однако, такие патологии всегда осуждались как нарушения относящиеся к разным принципам культуры. Кроме того, нет никаких доказательств создаваемых ими или даже под-

держанной политики по отношению к разным культурам. Скорее, такие патологии плохой интеграции – относительно редки, например, в Австралии, и могут быть приписаны несоответствию адаптивно-интегральных ресурсов, неготовности правительства или стратегическим отказам от их выполнения. Этническая сегментация может быть политически выгодной при опоре на «этническое голосование» и предполагаемых преимуществ после выборов. Этнические активисты могут охватить и защищать этноопределенные партикуляристские интересы. Религиозные секты и церкви могут организовать определенные этнические лобби при увеличении членов сообщества.

ОТ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА К ПОСТ-МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМУ.

Мультикультурализм - оспариваемое понятие, поскольку оно определяется по-разному учеными в ряде стран. Даже в одной и той же самой стране в течение долгого времени мультикультуралистская повестка дня могла иметь различные предписания. Мультикультурализм обычно осмысливается с точки зрения «политики признания», «дифференцированного гражданства» или «права на этнокультурные меньшинства» [4]. Несмотря на это концептуальное разнообразие, основной принцип мультикультурализма, который отличает его от других способов приспособить этническое и культурное многообразие (то есть ассимиляцию), это то, что он основан на чиновничьем признании такого разнообразия. Конечно, мультикультурализм изображают больше чем культурно - демографический состав плюралистического общества; он показывает принятие широкого диапазона государственной политики, утверждения законных прав и, в некоторых случаях, конституционные условия для культурных различий. Подобные соглашения могут повлечь за собой обеспечение финансирования сектантских школ, позволения культурных или религиозных кодексов и диеты в государственных школах и на рабочих местах, и адаптации определенных инструкций, чтобы освободить членов определенных меньшинств от требований, которые противоречат их культуре.

Мультикультурализм конституирован в 1971 г. в Канаде, а затем был принят в измененных формах во многих странах, включая Австралию, Великобританию и Нидерланды [5]. Однако в последние годы засвидетельствованы заметные отступления от мультикультурализма во всех этих странах. Дискурс о мультикультурализме начал замещаться понятиями национального самосознания и национальной принадлежности. Эти понятия признаны как необходимые условия противодействия силам фрагментирования мультикультурализма, приводящим к появлению параллельных жизней. Разные страны имеют свои особенности кризиса мультикультурализма. Эти кризисы, которые и дали начало дискурсу о постмультикульту-

рализме, были очевидны почти во всех странах, включая те, которые никогда не осуществляли мультикультурализм как официальную политику (такой, как Германия). В дальнейшем к выяснению роли мультикультурализма была привлечена общественность и политики.

Было отмечено чрезмерное внимание к гендерному неравенству в пределах традиционных культурных меньшинств в Европе и англофонных групп на Западе. В последние годы популярный дискурс в почти во всех странах, принимающих мигрантов, был во власти проблем, связанных с отношением к девочкам и женщинам в традиционных культурах, носящих хиджаб; с половым насилием, с вынужденными браками с неизвестным и нежелательными супругами; с убийством членами семьи молодых женщин из-за поведения, оскорблявших принципы чести сообщества или семьи. Такие «культурные методы» стали ареной горячих споров по политике интеграции и религиозных и культурных различий.

Подобное чрезмерное внимание к плохому обращению к женщинам в культурно разнообразных группах, неизбежно вело к укреплению восприятия культур меньшинства как неотъемлемо репрессивных и принудительных, т.е. существенно отличающихся от господствующей тенденции западного общества [6]. При обсуждении в СМИ гендерное неравенство берется в качестве особенно существенного в демонстрации промежутка между культурным большинством и меньшинством, и степень интеграции иногда измеряется мерой согласия на женские права. При этом СМИ и политические деятели создали эти случаи (как культурно вредные методы, а не гендерные стереотипы насилия), представили стереотипные различия между либеральным и некультурным, современным и традиционным, просвещенными и традиционными культурами. В этом контексте культура меньшинства обвиняется в нехватке единства в обществе. В то время как большинство женщин представлены как полностью развитые агенты, их поведение в группах меньшинства объясняют посредством их обращения к культуре.

В последние годы критика мультикультурализма стала более интенсивной и стала объединяться с диагнозом, указывающим на конец мультикультурализма. Было заявлено, что мультикультурализм потерпел неудачу не только в континентальной Европе, но также и традиционно получающих мигрантов обществах, таких как Канада и Австралия. Ранее дискуссии по мультикультурализму часто приходили к соглашениям. На сей раз не только консерваторы нападают на мультикультурализм за то, что он способствовал социальному расстройству или росту безработицы. Ряд исследователей демонстрируют, что риторика европейских политических лидеров и ключевых политических мер в области иммиграции и мигрирующей

адаптации берут за основу формы и руководство, относящиеся к разным культурам.

Термин «постмультикультурализм» вызывал целый ряд вопросов, среди них был решающий: подразумевает ли приставка «пост» продолжение мультикультурализма или отступление от него. Ученые, такие как Вартовек и Кумличка используют термин «постмультикультурализм» для того, чтобы представить особую фазу мультикультурализма, в которой акцент должен «способствовать обоим в части признания разнообразия и обслуживания коллективных национальных самосознаний» [7]. Эти два идеала, казалось, шли в разные направления от старой модели мультикультурализма. Фактически, последний часто критиковался за то, что он расположил по приоритетам обслуживание культуры за счет сильного национального самосознания. Тогда как постмультикультурализм предлагает способ объединить сильное национальное самосознание с официальным признанием культурного разнообразия и ввести новые различные стратегии получения гражданства. Поскольку современные общества имели дело с проблемами культуры и культурного многообразия, а мультикультурализм не мог их решить, то важные изменения, произошедшие в областях права и политики, сигнализировали изменение от мультикультурализма к отстаиванию монокультурализма.

Ян Пакульский из университета Тасмании, считает, что Австралия идентифицирует пять тенденций, которые заметны почти всем при получении статуса иммигранта, хотя в различных степенях и интенсификации. Эти тенденции включают: 1) чрезмерный акцент на гендерном неравенстве в пределах традиционной культуры меньшинств; 2) изменение этнической принадлежности и культуры в отношении к религии (особенно в исламе); 3) увеличивающийся акцент на социальном сплочении и безопасности; 4) появление новых форм расизма; 5) преобразование абсолютных установлений в относительные международные и межнациональные законы о правах человека. Взятые вместе, эти тенденции показывают отступление, а не возрождение мультикультурализма и продолжают путь к появлению новых форм расизма в обществе культурного разнообразия.

ПАРАДОКСЫ ПОСТМУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Эти изменения можно оценить как парадоксы с точки зрения неолиберального управления. Парадокс заключается в неуполномоченности результатов дискурсов. Так, чрезмерное внимание на неравенство полов в традиционных культурах привело к опровержению деятельного участия в жизни общества женского меньшинства скорее, чем их эмансипации. Парадоксальные тенденции постмультикультурализма становятся особенно проявленными, когда рассматриваются с точки зрения неолиберального управления. В понимании Фуко, подобное управление составляет систему

власти, стремящейся справиться и управлять населением через процедуры, учреждения и тактику, основанные на экономической рациональности неолиберализма, и через аппараты безопасности. Основная цель неолиберального управления свободой - гарантии субъектам, через создание условий, при которых люди могут осуществить эту свободу. Неолиберализм понимает свободу как положительный эффект правительственных действий и основной способ контроля субъектов. Другими словами, коренные особенности постмультикультурализма показывают параллели между ним и этой важной особенностью неолиберального управления. В этом случае свобода понимается как освобождение субъектов от ограничений, от которых они «неспособны» освободиться самостоятельно. Если *нелиберальные субъекты* обычно «изображаются как «управляющиеся» культурой или религией», *либеральные субъекты* «изображены как управляющиеся законом» и поэтому подвергаются использованию государственных учреждений. (governmentalization). Это отделение и управление культурализированными субъектами приводят к появлению хороших и плохих субъектов, учитывая их последующий контроль и управление. Этот контроль подразумевает внимание на безопасность, социальное сплочение и гражданство [8].

Парадокс единства и гражданства находится во взаимосвязи свободы и эмансипации с гомогенным и ортодоксальным пониманием гражданства. Если они стоят вне определения добропорядочного гражданина, то становятся людьми, создающими угрозу безопасности. Конкурирующие модели гражданства представили Абовитц и Гарниш (2006): гражданский республиканец; либерал; феминистка; реконструктивист; культурный; странный; и интернациональный [9]. Гражданство интерпретируется как индивидуальные отношения с национальным государством, в котором лояльность к государству и построению общей идентичности образует ядро гражданства. Это, в свою очередь, приводит к увеличенному контролю доступа иммигрантов к свободам через доступ к гражданству. Недавние споры о доступе к гражданству в зависимости от ценности/особенностей особых иностранцев хорошо иллюстрируют эту тенденцию. Например, поправка к британскому закону о Национальности предусматривает возможность потери гражданства гражданам иностранного происхождения в случаях, которые рассматриваются как угроза общественному благу [10]. В то же самое время мы наблюдаем возможности получения гражданства теми людьми, которые имеют существенные финансовые ресурсы. Так проявляется неолиберальная тенденция к превращению в товар гражданства и морализация свободы и ее последствий посредством дифференцирования между этическими (самоответственными) и неэтичными (безответственными) гражданами [11]. Постмультикультурализм пытается уменьшить «угрозу», представленную теми, которые выпадают из категории «хорошего» гражданина.

Эта морализация свободы в неолиберализме также очевидна в другом парадоксе, связанном с появлением новых форм расизма. Как иллюстрирует Балибар [12], восприятие ненадежности и понятие «неусвояемого различия» совпадают и клеймят особые группы. Те, кто замечен как угроза безопасности, часто не имеют безопасности самостоятельно, но они становятся предметами контроля за безопасностью. Механизмы гражданства и понятие «неусвояемого различия» укрепляют «разговор об идентичности». Постмультикультурализм маскирует моральное суждение на недавно расиализированную «неполноценность» субъектов с дискурсами о религиозном, культурном и политическом происхождении [13]. Это украшение контроля механизмов в «разговоре об идентичности» создает новые формы расизма трудно различимыми [14]. «Разговор об идентичности» полагается в большой степени на консервативный критический анализ социальной фрагментации культурных групп и прогрессивного критического анализа «эссенциализации». Он сосредотачивается экстенсивно на различиях и потребности сломать барьеры между культурами [15]. Так, с помощью значимости понятий культуры и религии управляются недавно расиализированные субъекты. Кроме того, так соединяется политическое происхождение субъектов (гражданство) и существующее изображение различия. В результате создаются социально стигматизированные гетто, основанные на понятии различия.

Наконец, постмультикультурализм, с его центром на управлении свободой, приводит к подтверждению единственного права национальных юридических систем в управлении разрешения культурных конфликтов. Происходит изменение центрированности конституционных режимов на большую контекстуальность и вложенность международных прав человека в национальные системы, что укрепляет в местном масштабе неоднородные соглашения прав и обеспечивает государства квазиподобными праву привилегиями в управлении разнообразными понятиями «традиции». Уповая на право, при защите местных традиций, сообщество трансформирует права от идеально задуманной защиты против власти, на инструменты, используемые в модальности их действий. Впоследствии, права не способны защитить меньшинства против государства, а скорее должны быть рассмотрены как мера контроля этих меньшинств.

МИГРАЦИЯ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Миграция и мультикультурализм (как стратегия «управления этническим разнообразием») – тесно связаны. Шкала интеграции мигрантов включает сегрегацию, умеренную ассимиляцию, мультикультурализм, аккультурацию, ассимиляцию и метиссаж. Метиссаж подразумевает смешение генов постоянного населения с мигрантами, а умеренная ассимиляция предполагает интенсивность общения с земляками, сохранение родного языка, традиций, культуры, национальную идентичность. Массовая имми-

грация неизбежно поднимает проблемы социального и политического управления этнокультурными отношениями, и это самое управление становится проблематичным, когда массовые перемещения усиливаются и / или значительно изменяют установленный этнический состав (так же как социокультурное статус-кво, которое сопровождает его). Внезапные скачки перемещения регулярно происходили в Европе, Австралии и Америке в течение прошлых двух столетий. Последняя такая волна началось в 1990-ые, вызывая обратную реакцию дестабилизации в Европе; в Австралию уехали в значительной степени неуязвимые к «шоку иммиграции», несмотря на усиленные дебаты о «беженцах».

Это - только одна причина среди многих сравнить австралийские и европейские события недавних массовых перемещений и все более и более напряженные стратегии управления ими. В самом общем смысле, недавняя интенсификация массовых перемещений (оцененные глобально в 210-250 миллионов человек, с одними только 45 миллионами беженцев), неотъемлемая часть глобализации – увеличивающихся международных потоков информации, всемирным капиталом, глобальных товаров и услуг, «являющихся предметом торга», ценностей и норм, и, что наиболее важно, появление более «мобильных» людей [16]. Это последнее измерение глобализации – увеличенная подвижность людей – показало, что оно является самым проблематичным, с которым трудно справиться на европейском континенте. Есть шесть взаимосвязанных причин этих трудностей (и сопровождающая обратная реакция анти иммиграции).

1 Недавние волны массового перемещения были внезапными, сильными и менее управляемыми государствами получения, чем прошлые волны. В Европе они вовлекают не только перемещения внутри ЕС – которые производят только умеренное напряжение – но также и намного более социально проблематичные и политически травмирующие движения из других стран в ЕС, экономические и политические беженцы (например, «кризисные перемещения» из Африки и Ближнего Востока (Сирии, Ливии, Афганистана, Ирака), часто из областей, разоренных военными конфликтами и стихийными бедствиями [17];

2 Эти волны вовлекают большие массы людей, которые весьма отличаются от населения принимающей страны, не только по языку, культуре и традициям, но также и по религиозным верованиям, перспективам, образам жизни и повседневному бытию. Поглощение таких иммигрантов, особенно мусульман из дестабилизированных областей Африки, Азии и Ближнего Востока, оказалось более трудным, чем поглощение и интеграция более «подобных» иммигрантов в прошлом [18];

3 Режим иммиграции Европы раздваивается. Восточное соседство ЕС включает группу постсоветских стран, область конкурирующего влияния

между Россией, которая надеется сохранить старые связи, и ЕС, которая подписала совместные отношения с Арменией, Азербайджаном, Беларуссией, Грузией, Молдовой и Украиной, главным образом на основе Соглашений о сотрудничестве. Соревнование также вовлекает существенно разные стратегии управления массовыми перемещениями и иммигрантской интеграции, таким образом, создавая конкурирующую систему перемещения в пределах Европы;

4 У многих «внешних» (не-европейских) иммигрантов есть ограниченные знания и опыт принимающих их европейских обществ, и поэтому меньшая «способность интеграции», чем у внутри европейских мигрантов. Эти факты часто усиливаются травмирующими событиями перемещения, способствуя формированию тенденции этно-религиозной теории государства на общинной основе, иногда даже защиту партикуляризма (сепаратизма), которые, в свою очередь, вызывают враждебную обратную реакцию от населения принимающего государства;

5 Массовая иммиграция в 1990-ых и 2000-ых совпала с волнами терроризма и волнениями национальной безопасности, которые сопровождают их, особенно связанные с исламистским терроризмом. Они также совпадают с «терроризмом обратной реакции» (как иллюстрировано массовым убийством Брейвика в Норвегии). В итоге, «другие» – особенно мусульманские иммигранты – подозреваются в нелояльности, антизападных чувствах и, вообще, в нежелании объединяться с принимающими их обществами. Радикальные декларации религиозных фанатиков, как и теракты, самими лидерами движений обратной реакции, только увеличивают такие подозрения;

6 Экономический кризис, поражая средиземноморский пояс ЕС, который также получает наибольшее число иммигрантов, усиливает напряженные отношения. Иммигранты сталкиваются с высоким уровнем безработицы и враждебностью местных рабочих, вынужденных конкурировать за рабочие места. Увеличение неравенства в доходах развитых и развивающихся стран, усиление геостратегического соперничества между Востоком и Западом, как и рост национализма и природные катаклизмы способствуют иммиграции.

В конечном итоге Европа формирует занимательную лабораторию для изучения политических реакций на массовую иммиграцию и интеграцию этнических меньшинств во времена политической бури и экономического кризиса. Политические лидеры основных партий, под давлением критиков не контролируемой иммиграции и социальных эффектов экономического кризиса действуют сверхактивно и оборонительно. Они отвечают на политическую обратную реакцию против иммиграции и беспокойству по поводу безработицы и обеспеченности работой, критикуя (главным образом незаконных) мигрантов за паразитизм, нежелание интегрироваться и даже

преступность. Такая критика вырабатывает климат подозрения и враждебности к мигрантам и узаконивает политику, которая ограничивает миграцию и права мигрантов. Лидеры также описывают мультикультурализм – изображаемый как некритическое принятие культурного многообразия – как отказ от интеграции, и предлагают более реалистичное (т.е. менее терпимое, более ассимиляционистское) стратегическое планирование [19].

ТРАНСВЕРСАЛЬНОСТЬ И ГАРМОНИЯ - ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Мы не один, но многие. Этот тезис уже достаточно известен. Мы живем в мире множества, которое является и благосклонным к межлическим отношениям и безжалостно относящимся к ним. Это - мир мультикультурализма, который сопровождал в глобализацию и в «дивный новый мир». Нам уже знакомы отдельные предложения по созданию единства разнородных культур из работ мыслителей-леворадикалов (Паоло Вирно, Ж.-Л. Нанси, М. Хардт и А. Негри). Множества создают ситуационные единства, в которых индивиды соотносят только свои интересы, но не Самости. В отличие от известных форм деятельной консолидации, они не основаны на насилии. Хотя, как эти единства создаются, и каково время их работы, неизвестно. При этом в центр ставятся гетерогенность и независимость сингулярностей без всяких централизирующих их интересы институтов.

Задача социальной философии состоит в том, чтобы участвовать в диалоге относительно острой необходимости разрешения национальных и глобальных проблем на общественных форумах. Самая неотложная проблема нашего времени - вопрос поиска и установления мира среди различных культур и цивилизаций, с одной стороны, и между глобальным человечеством и природой, с другой [20]. Так появляется проблема роли трансверсальности как радикально нового образа мыслей перед лицом мультикультурализма и глобализации, где никакая культура или одна разновидность не должны играть главную роль по отношению к другим, будь это строительством империи или антропоцентрическим доминированием (speciesism). Оно проявляется в человеке через манипуляцию, эксплуатацию, доминирование над природой, которое достигает высшей точки в технологическом мировоззрении современного человечества.

Сегодняшний многокультурный мир заставляет социальную философию изобретать новые понятия, чтобы исследовать изменяющиеся факты. Среди тех, которые были предложены для исследования меняющегося мира, было понятие трансверсальности. Оно было задумано как практический ответ для преобразования мира мультикультурализма и глобализации в духе Делёза, для которого «истинная теория» не суммирует, но вместо этого умножается. Двусмысленность в этимологическом смысле «bothness», а не «или/или» идет рядом с концептуальной территорией множества, кото-

рая не имела никакого окончания. Кэлвин О. Шрэг (Calvin O. Schrag) обосновал трансверсальность как замену универсальности в новом тысячелетии. Посредством трансверсальности создается новая онтология, новая культура, новая этика, новая политика, то есть, новый мир. Как философская матрица, трансверсальность изучает «истину» в контексте и через и вне границ отдельных культур, отдельных разновидностей (человек и не человек), отдельных дисциплин, и отдельной чувствительной сферы. В парадигме трансверсальности вопрос «истины» разыскивается кросс-культурно.

Иными словами, трансверсальность понимается как «транс(уни)версальность». Лицо универсальности часто замаскировано в европейском этноцентризме. Да и вся философия, европейская или иная, изобретает универсальность или универсальную истину как культурную герменевтику или культурную политику. Мишель Фуко в 1978 году во время посещения Японии высказал мысль, что новая философия будущего появится из встречи или слияния без совпадения Востока и Запада. Максимируя глобальное кросс - течение и экс/изменение идей и ценностей, трансверсальность также комбинирует различное/глобальное как не редуцитивный и не этноцентричный процесс, который приводит к гибридности или креолизации идей и ценностей. Гибридность не будет полностью восточной, ни полностью западной, но что-то промежуточное. Другими словами, она будет интеркультурной. Кроме того, она будет интер- антропоцентрическим доминированием (человеческим благочестием и геоблагочестием), интердисциплинарным, и интерчувствительным. Антропологическое доминирование как высокомерие человеческих разновидностей будет все больше нивелироваться.

В этом смысле трансверсальная философия пытается объединить многозначные картины мира в философскую панораму, представляющую все разнообразие мироздания при неотъемлемом единстве и корреляции в нем, как духовного, так и материального. Так конституируется новый тип субъективности, соединяющего проницаемость и способность к переключению с одного типа рациональности на другой. В этом случае трансверсальное понимание взаимодействия культур становится ближе к адекватному воспроизведению многообразия культурной действительности. Так транс- культурность можно толковать, по Вельшу, как проект культурного ландшафта будущего. При этом в повседневных культурных практиках мигрантов надо видеть не специфику «чужой культуры», а акцию индивидов, действующих в определенных социальных полях, находящихся под гнетом традиций происхождения и принявшего их общества; т.е. транс-культурность будет означать контекст, конкретную ситуацию, персональную стратегию и интерес. Гваттари, намечая «космопедию», как проект транс- дисциплинар-

ного знания, сочетающегося с трансверсальностью, видел в ней увеличение связи науки и общества. Трансверсальность понимается как движение между однородными полюсами, ведущее к разнородности. Трансверсальности подчиняются и все исторические процессы, протекающие «поперечно», как к исторической эпохе, так и к соответствующей эпистеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суммарную критику мультикультурализма, см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Multiculturalism_in_Australia <wikipedia.org/wiki/Multiculturalism и http://en.wikipedia.org/wiki/Criticism_of_multiculturalism
2. Pakulski Jan. Confusions about multiculturalism // *Journal of Sociology* 2014, Vol. 50 (1), p. 23–36
3. Rattansi A (2011) *Multiculturalism. A Very short Introduction*. Oxford: Oxford UP. 184 p.
4. Kymlicka, W. and Norman W. (2000) (eds) *Citizenship in Diverse Societies*. Oxford: Oxford University Press, 444 p. pp. 1–41.
5. Levey, G.B. (2009) 'What Is Living and What Is Dead in Multiculturalism' // *Ethnicities* 9 (1): p. 75–93. P.75
6. Phillips, A. (2007) *Multiculturalism without Culture*. Princeton, NJ: Princeton University Press. P. 23–25
7. Vertovec, S. (2010) 'Towards Post-multiculturalism? Changing Communities, Conditions and Contexts of Diversity' // *International Social Science Journal*. № 61 (199): p. 83–95. P. 83
8. Brown, W. (2006) *Regulating Aversion: Tolerance in the Age of Identity and Empire*. Princeton, NJ: Princeton University Press. P. 171
9. Abowitz K. K. and Harnish J. (2006) Contemporary discourses of citizenship // *Review of Educational Research* 76(4): 653–690.
10. UK Border Agency (2006) 'Removal of Citizenship Obtained Fraudulently (Deprivation)', URL (consulted 28 January 2014): <http://www.ukba.homeoffice.gov.uk/britishcitizenship/withdrawingcitizenship/>
11. McNevin, A. (2011) *Contesting Citizenship: Irregular Migrants and New Frontiers of the Political*. New York: Columbia University Press. P. 61
12. Balibar, E. (2006) 'Europe, an «Unimagined» Frontier of Democracy' // *Diacritics* 33 (3): 36–44. p. 37
13. Phillips, A. (2007) *Multiculturalism without Culture*. Princeton, NJ: Princeton University Press. p. 24
14. Sharma, A. (2009) 'Postcolonial Racism: White Paranoia and the Terrors of Multiculturalism', in G. Huggan and I. Law (eds) *Racism, Postcolonialism, Europe*. Liverpool: Liverpool University Press. p. 119–30
15. Batainah, H. and M. Walsh (2008) 'From Multiculturalism to Citizenship', in C. Aulich and R. Wettenhall (eds) *Howard's Fourth Government*. Sydney: University of New South Wales Press, p. 227–44.
16. Livi-Bacci, M. (2012) *A Short History of Migration*. Cambridge: Polity.
17. Lesińska Magdalena. The European backlash against immigration and multiculturalism // *Journal of Sociology* 2014, Vol. 50(1), p. 37–50
18. Gozdecka Dorota A., Ercan Selen A., Kmak Magdalena. From multiculturalism to post-multiculturalism: Trends and paradoxes // *Journal of Sociology* 2014, Vol. 50 (1) 51–64
19. Jupp, J. and M. Clyne (eds) (2011) *Multiculturalism and Integration: A Harmonious Relationship*. Canberra: ANU E-Press.
20. Hwa Yol Jung. Transversality, Harmony, and Humanity between Heaven and Earth // *Diogenes*. 2014, Vol. 60 (1) p. 97–104

TRANSLIT

1. Summarnuyu kritiku mul'tikul'turalizma, sm.: http://en.wikipedia.org/wiki/Multiculturalism_in_Australia<wikipedia.org/wiki/Multiculturalism i http://en.wikipedia.org/wiki/Criticism_of_multiculturalism
2. Pakulski Jan. Confusions about multiculturalism // *Journal of Sociology* 2014, Vol. 50 (1), p. 23–36
3. Rattansi A (2011) *Multiculturalism. A Very short Introduction*. Oxford: Oxford UP. 184 r.
4. Kymlicka, W. and Norman W. (2000) (eds) *Citizenship in Diverse Societies*. Oxford: Oxford University Press, 444 r. pp. 1–41.
5. Levey, G.B. (2009) 'What Is Living and What Is Dead in Multiculturalism'// *Ethnicities* 9 (1): p. 75–93. P.75
6. Phillips, A. (2007) *Multiculturalism without Culture*. Princeton, NJ: Princeton University Press. R. 23-25
7. Vertovec, S. (2010) 'Towards Post-multiculturalism? Changing Communities, Conditions and Contexts of Diversity'// *International Social Science Journal*. № 61 (199): p. 83–95. R. 83
8. Brown, W. (2006) *Regulating Aversion: Tolerance in the Age of Identity and Empire*. Princeton, NJ: Princeton University Press. R. 171
9. Abowitz K. K. and Harnish J. (2006) Contemporary discourses of citizenship // *Review of Educational Research* 76(4): 653–690.
10. UK Border Agency (2006) 'Removal of Citizenship Obtained Fraudulently (Deprivation)', URL (consulted 28 January 2014): <http://www.ukba.homeoffice.gov.uk/britishcitizenship/withdrawingcitizenship/>
11. McNevin, A. (2011) *Contesting Citizenship: Irregular Migrants and New Frontiers of the Political*. New York: Columbia University Press. R. 61
12. Balibar, E. (2006) 'Europe, an «Unimagined» Frontier of Democracy'// *Diacritics* 33 (3): 36–44. r. 37
13. Phillips, A. (2007) *Multiculturalism without Culture*. Princeton, NJ: Princeton University Press. r. 24
14. Sharma, A. (2009) 'Postcolonial Racism: White Paranoia and the Terrors of Multiculturalism', in G. Huggan and I. Law (eds) *Racism, Postcolonialism, Europe*. Liverpool: Liverpool University Press. r. 119–30
15. Batainah, H. and M. Walsh (2008) 'From Multiculturalism to Citizenship', in C. Aulich and R. Wettenhall (eds) *Howard's Fourth Government*. Sydney: University of New South Wales Press, p. 227–44.
16. Livi-Bacci, M. (2012) *A Short History of Migration*. Cambridge: Polity.
17. Lesińska Magdalena. The European backlash against immigration and multiculturalism // *Journal of Sociology* 2014, Vol. 50(1), p. 37–50
18. Gozdecka Dorota A., Ercan Selen A., Kmak Magdalena. From multiculturalism to post-multiculturalism: Trends and paradoxes // *Journal of Sociology* 2014, Vol. 50 (1) 51–64
19. Jupp, J. and M. Clyne (eds) (2011) *Multiculturalism and Integration: A Harmonious Relationship*. Canberra: ANU E-Press.
20. Hwa Yol Jung. Transversality, Harmony, and Humanity between Heaven and Earth // *Diogenes*. 2014, Vol. 60 (1) p. 97–104